

“Я хотела бы сбежать в “страну глухих”, на этот белый остров. Сидеть там на песке, смотреть в чистое голубое небо, составлять картины из камней и чувствовать покой и равновесие. Я всегда стремлюсь к покою. Но это очень трудно, потому что мы живем в мире людей”.

ДИНА

Моск. комсомолец - 1998. -
18 марта - С. 4.

В “СТРАНЕ ГЛУХИХ”

— “Страну глухих” на Берлинском кинофестивале номинировали на приз Тэдди — приз геев и лесбиянок. Хотя в фильме нет ни одной лесбийской сцены, а речь идет только о двух подружках. Вас не спрашивали, кого вы больше любите — мужчин или женщин?

— Нам сразу сказали, что это фильм о лесбиянках. Я очень огорчилась. Мы об этом совершенно не думали.

— А как вы огорчаетесь?

— Я огорчаюсь очень глубоко, но ненадолго (смеется).

— Что вас так задело?

— Что фильм прочитали только так. Если мы, две подружки, так понимаем и чувствуем друг друга, мы — лесбиянки? Нам казалось, что это разговор о дружбе, редкой, какая бывает как подарок судьбы. Об этом мы говорили с Валерой и хотели снять фильм. Наверное, получился какой-то другой фильм.

— Говорят, вас с Чулпан Хаматовой в Берлине просто разрывали на куски?

— Я приехала через неделю после премьеры, потому что была на гастролях в Нью-Йорке со МХАТом, где я работаю. Когда я приехала в Берлин, все уже думали о других фильмах и интересовались другими актрисами. Я даже не видела фильма. Надо было рано утром ехать в Центр кино, вставать в очередь за билетом, и еще не факт, что его получишь. Причем эти правила распространяются на всех, даже на Валеру Тодоровского. Я решила не огорчаться и посмотреть Берлин, походить по музеям. Зато меня узнавали на улицах!

— Как вас нашел Тодоровский?

— По каталогу, по фотографии. Валера посмотрел на меня и сказал, что даже не знает, на кого бы мне попробоваться. Но потом они подумали, что у них будут проблемы найти актрису на эту роль, и решили доверить ее мне, хотя до этого на нее пробовалось много актрис.

— Вас не удивило, что ваша героиня будет глухой?

— Я испытала двойное чувство. Значит, я буду молчать и только выразительно смотреть? Потом я подумала — нет, это хорошо, это как раз то, чего у меня нет в театре. У меня появится шанс изучить свои возможности — выразительность без слов. Но Валера сказал: “Что ты! Она у нас болтает, она очень много говорит. Она глухая, но не немая”.

— Как вы учились быть глухой?

— Вначале пыталась это по-мхатовски представить и пережить. Потом пригласили консультанта. Она слышавшая, но у нее родители глухие, и она сурдопереводчик. Ирена, она необыкновенный человек. Она всю жизнь общается с глухими, переводит их в наш мир. Я была благодарной почвой, на которой было что посадить. Я из нее брала все, что она мне давала. Она почти сделала мне роль! Мы сидели с ней в гримерке перед спектаклем и после спектакля и сидели часами, когда я уже теряла сознание. Я не могла сложить буквы — пальцы не складывались — а потом научилась “говорить” быстро. Мы предлагали Валере сто тысяч вариантов той или иной реакции или поведения. Мы делали с ней голос. Это стоило мне огромных физических затрат. Это и тяжелая психологическая нагрузка — входить в этот мир.

— Как вас приняли сами глухие? Они признали вас за свою?

Дина Корзун сыграла в новом фильме Валерия Тодоровского “Страна глухих”. Ее пока никто не знает. Ей 27 лет. Может быть, у нее не будет больше ТАКОЙ роли, но сегодня многие убеждены, что она возьмет за нее все призы. Когда-то она впервые приехала в Москву из Смоленска. Потом впервые полетела на самолете. Теперь, у Тодоровского, сыграла очень необычную девушку — глухую. И зовут ее — Яя. О ее дебюте говорят как о чем-то отличном, не похуже на другие. Смеею заверить, Дина и сама очень необычная девушка.

— Многие сурдопереводчики говорят, что у меня много неточностей, но Валера сказал, что у нас фильм, а не медицинская книга. Мы искали художественный образ. А глухих сколько пришло на премьеру! Они меня очень хвалили, поздравляли, подарили свою газету “Мир глухих”, она издается в Москве.

— Вы очень натурально играете глухую. Не ловили себя на ощущении, что сами становитесь глухой?

— Был момент, когда я стала терять слух. Роль очень тяжелая, постоянно на нервах. Мы снимали по 16 часов в день, почти без перерыва. Почти все сцены на очень высоком психологическом и энергетическом градусе. Если утром я приезжала на съемку, значит, я с утра уже была готова к работе. Даже с вечера. Я приходила никакая в два часа ночи, в семь мне вставать, но еще до четырех утра я сидела, готовилась к следующему дню. И к концу второго месяца я начала глохнуть. На Западе актеры имеют реабилитационный период — в клиниках лечатся, когда сыграют какого-нибудь монстра или психопата, а я сразу начала сезон в театре. Театр меня и излечил.

— Говорят, у вас на съемках был стресс?

— Страшнейший!.. Но, может быть, это потом переплывало в результат. Дело в том, что мне хотелось сделать максимум, что я могу. Чулпан мне очень помогала. Мы снимались летом, когда ни моего сына, ни моего мужа не было. (Муж Дины — актер Алексей Зуев, сын Петра I в фильме “Царевич Алексей”. — Н.Р.) Я была одна. На втором месяце, когда уж очень тяжело было в работе, а мы все за два месяца сняли, она приезжала ко мне с ночевкой или я к ней. Так вместе и прожили этот последний месяц.

— Вы теперь все знаете про глухих. В их мире есть преимущества перед нашим?

— Им тяжелее. Они никогда не слышали звука ветра, голос, свой и своих близких, они не

могут воспринимать на слух поэзию, гармонию. У моря, в лесу, в поле, на дискотеке — нигде их мир не наполнен миром звуков.

— Но в фильме есть очень хорошие слова: “Мы слышим слишком много лишнего звуков, поэтому не можем расслышать главное”. Вы с этим не согласны? Вам после фильма не удалось слышать поменьше лишнего?

— После фильма я стала спокойнее отказываться от каких-то вещей. Я поняла, что в этом — сила. Если ты вовремя поймешь, что нужно от чего-то отказаться, очень четко ощутишь свой путь, то быстрее станешь счастливым. Надо это осознать — что-то не слышать, тогда четче услышишь, что тебе нужно. Это я очень точно знаю, потому что для меня этот фильм и эта роль — событие жизни, очень сильно меня изменившее. Я теперь не боюсь ничего.

— А вам приходилось вовремя понять, что нужно от чего-то отказываться?

— Я ужасно много курила. Я была как наркоман. Мне утром вначале нужно было закурить. Надо было заполнять паузу дыханием никотина. Если я час не курила, мне казалось, что жизнь не так ярка. Я закодировалась. Такой способ — иголки в уши. Первые десять дней прошли в судорожных поисках, что бы взять в руки, а потом вдруг стало легко. На самом деле это очень важно — не курить. Мы окрашиваем жизнь никотином, и все сразу — и сознание, и мир — этим окрашивается. Когда я бросила курить, я стала и видеть по-другому, и слышать по-другому. И радоваться, и огорчаться по-другому.

— Вы чувствуете к себе повышенное внимание, ощущаете, что это успех?

— Я воспринимаю это с удивлением. Я аб-

солютно не понимаю, что это успех. Думаю, что, когда я начну понимать, испытывать от этого эйфорию, со мной будет происходить что-то страшное.

— Вы говорите со мной, как глухая, — все время помогаете себе руками. Это последствие роли? Вы не можете избавиться от нее?

— Нет, это мои руки! Меня за них ругают еще со Школы-студии. Особенно на сценической речи. Мне всегда казалось, что я что-то не досказала, и руками помогаю почувствовать другим весь объем того, что я хочу сказать.

— А если вы играете классическую героиню в театре?

— Я их поджимаю (смеется).

— А вы так тихо работаете во МХАТе?

— Не тихо. Я очень громко работаю! До театра еще я училась на художественно-графическом факультете Пединститута в Смоленске — я из Смоленска — и думала, что буду рисовать. Потом я порвала с “худграфом” и ушла на курсы при драмтеатре, потому что хотела узнать себя какую-то другую. Когда я поехала в Москву и поступила в Школу-студию МХАТ, мне было уже 20 лет. Я была замужем. У меня даже сына было два месяца! Это был курс Аллы Борисовны Покровской, там преподавали Роман Козак, Александр Феклистов. Наверное, только благодаря тому, что они меня любили, я стала актрисой. Теперь я точно могу открыть про себя самый главный секрет — если меня кто-то захочет уничтожить, то меня нужно просто не любить. Я ведь приехала из провинции, делала много ошибок в отношениях с людьми. Говорила много лишнего, была слишком открыта, а это выглядело, наверное, убого.

— Получается, вы два раза входили в новый мир — мир глухих и мир Москвы?

— Роман Козак, когда я училась на 4-м курсе, пригласил меня во МХАТ на роль в спектакль “Любовь в Крыму” Мрожежа. Я поехала в Италию. Я первый раз в жизни полетела на самолете. Я никогда раньше не знала, что такое самолет, аэропорт, даже заграничный паспорт. Началась жизнь. После чего, как ни странно, в театре я стала получать одну роль за другой. Я получила Катерину в “Грозе”, Сонечку в “Преступлении и наказании”... По сути, это мой третий сезон в театре, а я уже сыграла несколько больших главных ролей. А в “Трех сестрах” я играю горничную, и меня это нисколько не смущает. У меня есть и массовки — я танцую в “Маскараде”. Все молодые артисты, которые приходят в театр, обязаны это отработать.

— Что же будет теперь? Как вы представляете свое будущее?

— Буду все то же, что и было. Я буду работать в театре. Я сознательно настаиваю на своей верности театру, потому что знаю, как кино переменчиво и жестоко — как оно легко поднимает и как оно легко забывает. Театр это то, что будет меня поддерживать сейчас.

— Не обижайтесь, Дина, но вас очень трудно представить в другой роли. Такое ощущение, что в этой вы выплеснули все!

— Мне и Валера говорит — чем меня очень огорчает, — что он меня больше не представляет ни в какой роли. Не обязательно, чтобы была такая же по весу — ударная — роль, как в его фильме. Но у меня сил достаточно, чтобы сыграть много ролей. Просто моя сила в другом — в попытке изнутри почувствовать персонаж, и тогда, я думаю, я могла бы сыграть и Возрождение, и Начало века, и просто Каменный век. И даже Будущее. Поэтому, если побоятся — не доверят, я могу об этом только сожалеть. Ходите в театр — там я играю разные роли. Валера не видел ни одного спектакля со мной, но думаю, что теперь он придет.

— А какое-то конкретное желание в кино есть?

— Я хотела бы играть про любовь, потому что мне кажется, что я про это очень много знаю. Это единственный верный ориентир в жизни. Кто-то скажет: “Угораздило”, кто-то: “Какое несчастье”, но я всегда люблю. Я люблю своего сына не меньше, чем своего мужа, и не меньше, чем мою подругу. Это меня поднимает, дает силы. Из этого я черпаю радость.

— А ваша героиня как раз не любит никого, хочет жить для себя. Она на вас не похожа?

— Абсолютно не похожа. Когда я хотела понять ее философию “себе-себе”, я исходила из другого — что это человек обиженный на весь мир, уставший: во-первых, интернат, во-вторых, эти мужчины. Она хотела бы быть им любимой, защищенной, хотела бы, чтобы ее любили как никого, но она сама не соответствует своему желанию. Поэтому мужчины ее обманывают, предают. Если бы она была внимательнее, мягче и в чем-то сильнее, она бы чувствовала себя гораздо более счастливым человеком. И у нее все складывалось бы по-другому. Наверняка.

— Вы хотели бы так все бросить и, как в фильме, сбежать с подружкой в “страну глухих”?

— Да, хотела бы. Я всегда стремлюсь к покою. Но это очень трудно, потому что мы живем в мире людей. Мы все друг на друга влияем, друг друга толкаем и выводим из равновесия. Я не теряю веру в людей, в необходимость жить, но в мечтах мне представляется прекрасным — сидеть на песке и смотреть в чистое голубое небо. Мне и понравилась эта роль, потому что там был этот белый остров, где зеленые горы, солнце, всегда тепло и где нет злых людей. Я-то себе представляю, где вообще нет людей. Я бы сбежала от людей. Вот такой я себе представляю “страну глухих”.

Наталья РТИЦЕВА.

Фото Олега ПРУСОВА.

18.03.98.

Дина Корзун